

Глава 18. Предки не велят открывать ларец

В туманной мгле заходящее солнце вот-вот должно было скрыться за дальними горами. Еян Цы и Цинь Шэнь остановили коней на берегу. Два княжеских стражника следовали за ними, а замыкал шествие Ломо, которому требовалось две лошади, чтобы везти свои инструменты.

Они выехали из уезда Сяцзинь глубокой ночью и, проскакав без отдыха день и ночь, к сумеркам следующего дня достигли реки в тридцати ли к юго-западу от уезда Цинпин.

Река Тухай, приток Хуанхэ, несла мутные воды. В лучах заходящего солнца она казалась чайным отваром, посыпанным жёлтой соевой мукой. Еян Цы выбрал самый узкий участок, не более шести-семи чжанов в ширину, с каменистыми берегами и большими деревьями. Вглядываясь в водную гладь, он мысленно прикинул:

— Скоро будут. В течение получаса.

Цинь Шэнь, стоя рядом, сказал:

— Всего три грузовых судна, не слишком больших, но перехватить их с берега будет непросто. А поджигать нельзя.

— Ломо! — крикнул Еян Цы. — В воду, готовь.

Ломо спрыгнул с коня, взвалил на плечо бухту цепи и направился к берегу. Это была огромная, в десять чжанов длиной, железная цепь. Он закрепил её концы на скалах и могучих деревьях, замаскировав травой и песком. Середина цепи погрузилась в воду, перегородив реку чуть ниже ватерлинии судов.

Князь Гаотан, наблюдая за этим черноволосым, крепким, как башня, юношей, спросил:

— Твой немой слуга — куньлуньский раб? Во времена Тан и Сун они были в моде в обеих столицах, но сейчас встречаются редко. Этот не такой уж и тёмный, немного похож на жителя Срединных земель.

— Ломо — полукровка, — пояснил Еян Цы. — Что до второй половины его крови, то он не потомок куньлуньских рабов эпох Тан и Сун. Его предки были рабами, захваченными государством Болан на далёком западном континенте и угнанными служить на флот. Когда их эскадра проходила мимо наших берегов, некоторые рабы, не выдержав жестокого обращения, бежали на сушу или тайно высаживались в Гуанчжоу и поступали на службу к местным властям. Их прозвали «гуйну». Мой покойный отец нашёл его умирающего отца в Бохайском заливе, вылечил и оставил служить в нашей семье. Ломо родился уже у нас в доме.

Цинь Шэнь видел, как слуга, закрепив концы цепи, взял большой мешок с U-образными

скобами и молот, и скрылся под водой, не появившись на поверхности.

— Он что, не дышит?

— Дышит, но мы этого не видим. У него свои способы. Кажется, эти люди от природы обладают даром ныряльщика, а вдобавок к огромной силе их ещё называют в армии «хайгуй», — Еян Цы взгляделся в дальнюю гладь реки. — Идут.

Спускались сумерки. На палубах грузовых судов зажгли факелы, едва освещавшие путь. Из-за встречного течения и большой осадки суда шли медленно. Головное судно, достигнув узкого места, внезапно резко дёрнулось, несколько раз качнулось вперёд-назад и замерло, медленно разворачиваясь поперёк течения.

Под водой Ломо подплыл к борту и, вооружившись молотом и скобами, намертво приковал цепь к корпусу судна, словно установив ряд замков.

Судно, бившееся о цепь, теперь застыло на месте. Второе судно врезалось в него, и его нос застрял между звеньями. Ломо повторил свой трюк. Таким образом, два судна наглухо перекрыли реку, и третьему было не пройти.

На палубах поднялся шум. Матросы с факелами выбежали на палубу, но, увидев, что вокруг тихо, перегнулись через борт, всматриваясь в реку.

Цинь Шэнь стоял на холме с луком в руках. Натянутая тетива зацепилась за выемку на костяном кольце шэ, он был готов к выстрелу.

— Хороший лук! — тихо воскликнул Еян Цы. — Тех, кто может натянуть лук в пять дань, в Поднебесной можно пересчитать по пальцам. Сила Вашего Высочества не уступает силе Прежнего князя Лу, маршала Циня.

— Имя этому луку... — князь прицелился, отпустил тетиву, и стрела с воем, подобно молнии, разорвавшей небо, устремилась вперёд, — «Раскалывающий Небеса».

На палубе разбойник в кожаной одежде и с саблей, отдававший приказы матросам, получил стрелу в спину и с глухим стуком рухнул за борт. Стрела не только пронзила его насквозь, но и, вырвавшись из тела, исчезла в лесу на противоположном берегу.

Ужасающая дальность и пробивная сила заставили Еян Цы ещё раз взглянуть на «Раскалывающий Небеса». В отличие от обычных прямых или изогнутых луков, этот сложносоставной рекурсивный лук, даже если бы кто-то другой смог его натянуть, вряд ли послал бы стрелу с такой поразительной мощью.

Даже обладая недюжинной силой, без десяти лет упорных тренировок такого не достичь.

— Князь искусно скрывает свои таланты, — заметил Еян Цы.

— Так, мелочь для самозащиты. У господина Еяна ведь тоже есть свои секреты.

Цинь Шэнь, одним выстрелом укладывая по разбойнику, заставил матросов в панике распластаться на палубе, а оставшиеся бандиты, размахивая оружием, в страхе озирались, крича: «Кто там?! Выходи, если смеешь!»

— С той стороны! На том холме! — вскоре один из них, проследив траекторию стрел, определил местоположение лучника и приказал обстрелять холм.

Цинь Шэнь и Еян Цы тут же сменили позицию, укрывшись на другой возвышенности.

Два стражника, обнажив сабли, по натянутой над рекой цепи перебежали на грузовое судно и вступили в бой. Но на трёх судах врагов было немало, и они превосходили числом.

— Не одолжит ли Ваше Высочество свой меч нижестоящему чиновнику? — спросил Еян Цы.

Взгляд Цинь Шэня скользнул по древку стрелы и на мгновение задержался на его поясе.

— Мне любопытно, где же меч господина Еяна? — пока он говорил, стрела сорвалась с тетивы, забрав две жизни. Он услышал ответ:

— В ларце. Ещё не время его открывать.

— Почему?

— Предки не велят.

Цинь Шэнь усмехнулся и, сняв с пояса длинный меч, протянул ему.

— «Летающий Свет». Восьмигранный, в стиле эпохи Хань. Не знаю, придётся ли тебе по руке.

— Длиннее и тяжелее моего, — взвесив его в руке, ответил Еян Цы. — Но ничего, сгодится.

Он одним движением вытряхнул клинок из ножен и, пока тот описывал дугу, перехватил рукоять. Тело и меч слились в едином порыве, и лишь пустые ножны, на мгновение зависнув в воздухе, начали падать.

Цинь Шэнь поймал их. Он видел, как Еян Цы, словно лёгкая белая птица, дважды коснувшись

цепи над рекой, взлетел на палубу судна.

На весенней палубе расцвёл ночной цветок таньхуа. Сверху казалось, что каждый раскрывающийся лепесток сопровождается брызгами крови. Цветок перетекал с одного судна на другое, превращаясь в причудливое белое облако, отороченное багрянцем заката.

Князь Гаотан опустил лук и, не отрываясь, смотрел на палубу, где уездный судья его тяжёлым и строгим мечом выписывал самые изящные и смертоносные узоры на свете.

«Мой предок — странствующий рыцарь Великой Тан Еян Тяньшуан, оставивший потомкам "Трактат о мече, рассекающем облака"», — сказал ему Еян Цы, когда-то держа в руках свиток.

— Рассекает облака в вышине, рубит землю в низине... — прошептал Цинь Шэнь. — Прекрасное искусство меча.

Через четверть часа на грузовых судах не осталось ни одного живого разбойника-сянма. Матросы дрожали от страха, прячась за тентами и мачтами. Еян Цы вложил меч в ножны и, держа его за спиной, громко произнёс:

— Это было официальное расследование. Разбойники уничтожены. Вы, матросы, были принуждены ими, а потому считаетесь невиновными. Не бойтесь.

Люди робко выглянули из укрытий и, увидев его и двух стражников, принялись кланяться:

— Спасибо, господин, за спасение!

Было ли это принуждение или подкуп, Еян Цы разбираться не стал. Чтобы доставить зерно в Гаотан, ему нужны были эти матросы.

Два княжеских стражника одного за другим сбросили тела в реку. Их было шестьдесят семь, среди них — два умелых главаря, которые не продержались против техники Еян Цы и десяти ударов.

Юноша легко спрыгнул с цепи на берег и, не сбавляя скорости, с мечом наперевес устремился к Цинь Шэню.

Тот стоял не двигаясь. Левой рукой он выставил вперёд ножны. «Летящий Свет» со своей величественной и острой восьмигранной формой был поглощён чёрными ножнами, украшенными узором из драконов-паньчи.

— Не хочешь по-настоящему пронзить меня, чтобы выпустить пар? — спросил князь.

— К чему это? — Еян Цы улыбнулся. — Хотя Ваше Высочество и не выказывали мне особой любезности, я человек покладистый и со мной легко ужиться.

Цинь Шэнь тоже улыбнулся:

— Я весьма признателен господину Еяну за то, что он с фонарём проводил меня на двести ли. Сказать, что я не выказывал любезности, было бы несправедливо.

Он действительно редко улыбался. Его брови обычно были сдвинуты в суровом напряжении, но взгляд при этом оставался острым и ярким, как звёзды в холодной ночи. Сейчас же эта хмурость сменилась улыбкой, и Еян Цы нашёл его куда более приятным.

— Что князь собирается делать с этими тремя судами? — спросил Еян Цы.

— Вернусь по течению в Гаотан. Я отправлюсь с ними. Зернохранилище в Учэне раскрыто, им больше нельзя пользоваться. Я найду другое место.

Судья кивнул и, сложив руки, сказал:

— Тогда нижестоящий чиновник здесь с вами прощается. Счастливого пути, князь.

— Почему не говоришь «до новых встреч»?

«Потому что из твоей резиденции в Гаотане до моего Сяцзиня верхом чуть больше часа. Тебе взбредёт в голову — и ты примчишься, а я, мелкий уездный судья, разве посмею тебя не принять? К чему такие торжественные слова о новой встрече?»

— Заходите ещё, господин, — с улыбкой ответил Еян Цы.

Трудно было сказать, что в этом тоне, свойственном скорее хозяйке весёлого дома, не было насмешки над вышестоящим. Цинь Шэнь глубоко вздохнул, и его лицо снова потемнело.

— Еян Цы.

— Слушаю.

— Ты... ладно. В сегодняшнем деле я действительно намеренно втянул тебя, и твоё недовольство вполне естественно. Впредь... управляй своим Сяцзином как следует.

Цинь Шэнь закинул длинный лук за спину и, взяв коня под уздцы, пошёл вниз по склону. С противоположного берега дул восточный ветер, неся с собой запах пробуждающейся жизни.

Еян Цы, глядя ему в спину, внезапно сказал:

— Я не злился.

Князь остановился. За его спиной раздался чистый, как звуки цитры или журчание родника, голос:

— Я остался слушать не потому, что не мог уйти, а потому, что князь вызвал во мне любопытство. И это любопытство пересилило желание обезопасить себя. А то, что я проехал столько ли и обнажил меч, было лишь потому, что я сам этого хотел. Так что, возможно, в своих поступках я ещё больше подвластен порывам, чем Ваше Высочество.

Цинь Шэнь, скрытый от его взгляда, улыбнулся так, словно таял лёд, но не обернулся, а лишь поднял руку и помахал в знак прощания.

Еян Цы подошёл к воде и позвал Ломо:

— Снимай цепь, выходи.

Ломо, который до этого полулежал в воде, услышав приказ, нырнул и расцепил звенья. Он подплыл к ногам хозяина и, заметив на подоле его одежды несколько капель крови, взял край ткани и, ополоснув в воде, отёр пятна. Лишь после этого он поднял голову и посмотрел на Еян Цы.

— Спасибо, — улыбнулся тот.

Ломо широко улыбнулся в ответ и, мокрый, выбрался из воды, чтобы собрать цепь, закреплённую на берегах.

С грузового судна спустили длинный трап, и Цинь Шэнь повёл коня на борт. Освобождённые суда медленно развернулись. Еян Цы стоял на берегу с фонарём.

Тусклый свет не мог осветить тёмную реку. Ни тот, кто был на корме, ни тот, кто остался на берегу, не произнесли ни слова. Лишь их взгляды переплетались, пока судно не скрылось в ночной тьме.

— Мне всё время кажется, что князь Гаотан что-то забыл в ямэне Сяцзиня, — прошептал Еян Цы.

Ломо, отжимая воду из своей одежды, показал жестами:

«Карету?»

— Нет, карета не важна... Та рысь! Он ведь не забрал Юйту?

Ломо кивнул.

Еян Цы стиснул зубы:

— Четыре цзиня мяса в день! И шерсть повсюду! Кто за ней будет ухаживать!

Немой слуга подумал и сделал жест, изображающий заботу о скоте.

— Нельзя, это его любимица.

Ломо снова подумал и показал:

«Связать рысь, засунуть в карету и отправить князю Гаотану?»

Еян Цы наконец-то расслабился:

— Немедленно вернуть владельцу. Пусть Тан Шицзин отвезёт, он ведь постоянно мотается между Сяцзинем и Гаотаном.

Упомянутый патрульный инспектор в это время находился на холме неподалёку, взобравшись на высокую ветку дерева и наблюдая за происходящим на реке.

Вчера Сюньцзянь Тан был у резиденции князя Гаотана и видел, как гонец из Учэна спешно въехал, а затем так же спешно выехал и помчался в Сяцзинь. Он последовал за ним до самого ямэня.

Вскоре уездный судья и князь Гаотан вихрем вылетели из города, прихватив с собой немого слугу с кровью гуйну. Тан Шицзин, почуяв неладное, снова последовал за ними издали и стал свидетелем всего, что произошло на реке Тухай.

Он сидел на ветке, скрестив ноги, и медленно обдумывал подоплёку этого дела. Внезапно он хмыкнул:

— Что это значит? Обмен любезностями? Или просто сделка? Господин Еян, если вы

действительно хотите заключать сделки, позволю себе дать совет: не кладите все яйца в одну корзину.

В этот момент Еян Цы проскакал на коне мимо холма, на котором он сидел, спеша обратно в Сяцзинь, и не услышал этого предостережения, в котором добро смешивалось со злом.

<http://bllate.org/book/15875/1440062>